

Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна и С.Ю. Витте в политической жизни России конца XIX — начала XX в.

Даниил Русин

**Empress Dowager Maria Feodorovna and S.Yu. Witte
in the political life of Russia in the late 19th — early 20th century**

Daniil Rusin

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870016253-9

С.Ю. Витте, безусловно, был одним из наиболее ярких и крупных государственных деятелей царствования Николая II. Как утверждали Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин, «все значительные преобразования в экономике и политической жизни России этих лет так или иначе связаны с его именем»¹. Неудивительно, что исследователи не раз анализировали разнообразные стороны его деятельности, а также конфликты и контакты с современниками².

Однако его отношения с вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной до сих пор не привлекали внимания историков. Между тем в своих мемуарах в августе 1907 г. Сергей Юльевич писал, что в 1890-е гг. Николай II находился «под полным влиянием императрицы-матери»³. В мае 1911 г., диктуя воспоминания «о посторонних влияниях на императора Николая II», Витте отметил, что «в первые годы его царствования доминирующее влияние на него имела императрица-мать, но влияние это было непродолжительно»⁴. Уже на рубеже веков она «постепенно начала терять всякое влияние на своего сына», которого «уговаривала... не травить финляндцев»⁵. Как же складывалось тогда её взаимодействие с министром, явно претендовавшим на ведущую роль в правительстве?

Работая над мемуарами, Витте говорил, что императрица относилась к нему при жизни Александра III сначала «весьма милостиво», а после женитьбы в 1892 г. на М.И. Лисаневич — «довольно сдержанно и сухо». Тем не менее в конце октября 1894 г. она приняла Сергея Юльевича «очень ласково» и даже сказала ему, что его «очень любил» её покойный супруг⁶. Брак с женщиной, только что получившей развод, выглядел тогда совершенно скандально, «в то время на это смотрели как на нечто исключительное, вообще это не

© 2021 г. Д.О. Русин

¹ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000. С. 394.

² Из работ последнего времени см., в частности: Проблемы реформирования России на рубеже XIX—XX вв.: к столетию со дня смерти С.Ю. Витте. Сборник статей. СПб., 2018.

³ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания / Публ. Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина, С.В. Куликова, С.К. Лебедева, И.В. Лукоянова. Т. 2. СПб., 2003. С. 97.

⁴ Там же. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 398—399.

⁵ Там же. Т. 2. С. 73.

⁶ Там же. Т. 1. Кн. 1. С. 393.

допускалось»⁷. Витте, едва назначенный управляющим Министерством путей сообщения, даже подал прошение об отставке, однако этим лишь укрепил доверие к себе Александра III и не только не лишился должности, но и возглавил через несколько месяцев более крупное и влиятельное финансовое ведомство. Тем не менее его супругу по-прежнему не приглашали ко двору. Более того, по свидетельству В.Б. Лопухина, «ей одной из всех жён министров упорно в этом отказывалось»⁸. Даже близкий к Марии Фёдоровне гр. С.Д. Шереметев осуждал её предвзятость к Матильде Витте. 20 февраля 1901 г. граф записал в дневнике: «Это несправедливо и не политично. Для пользы дела нахожу, что нужно следовать другой политике — тем более, что при всех недостатках характера и воспитания Витте — самородок необыкновенного ума... он может быть обаятелен»⁹.

В конце 1901 г. М.И. Витте даже отправила вдовствующей императрице письмо, в котором эмоционально изображала своё положение: «Судьба моего ребёнка беспокоит и мучает меня, я не могу без отчаяния думать не только о том, что я являюсь причиной ostrакизма, которому может быть подвержена моя бедная маленькая девочка, но и о том, что однажды она может узнать, что именно благодаря её матери мы одни исключены из числа тех, кто имеет счастье быть представленными (ко двору). Именно к Вашему материнскому сердцу, к Вашей справедливости и к Вашей неизменной снисходительности я взываю, чтобы умолить Вас принять меня с моей дочерью»¹⁰.

Редактор «Московских ведомостей» В.А. Грингмут, ссылаясь на кн. Г.Д. Шервашидзе, заведовавшего двором вдовствующей императрицы, рассказывал генеральше А.В. Богданович, что ответа на ходатайство жены министра финансов не последовало. Тогда Сергей Юльевич «выхлопотал себе аудиенцию», на которой заявил, что «расстроен» письмом супруги и не допустил бы его отправки, если бы узнал о нём раньше. Вместе с тем он осторожно пытался выяснить, нет ли возможности со временем исполнить её желание. Но Мария Фёдоровна, ссылаясь на волю Александра III, категорически отказала в данной просьбе, несмотря на всё красноречие своего собеседника, который ей весьма импонировал¹¹.

Со своей стороны, Витте избегал столкновений со вдовствующей императрицей. Так, после отставки 14 декабря 1894 г. министра путей сообщения А.К. Кривошеина он хотел провести на освободившееся место А.П. Иващенко-

⁷ Там же. С. 233—234.

⁸ *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента иностранных дел / Отв. ред. С.В. Куликов. СПб., 2008. С. 104.

⁹ РГИА, ф. 1088, оп. 2, д. 9, л. 30.

¹⁰ ГА РФ, ф. 642, оп. 1, д. 1168, л. 1—2.

¹¹ Три последних самодержца. Дневник А.В. Богданович. М.; Л., 1924. С. 273—274. Сам Витте 30 декабря 1901 г. сообщил А.А. Половцову об этих объяснениях несколько иначе. Не упоминая о письме жены, он представил дело так, будто узнал от Е.А. Нарышкиной о желании вдовствующей императрицы допустить ко двору дочь М.И. Витте от первого брака, но без её матери. При этом также говорилось, будто сам министр, «испрашивая у покойного государя разрешение жениться, обязался никогда не просить о представлении ко двору жены». На аудиенции, по этой версии, Витте лишь доказывал, что «никаких условий» Александр III ему не ставил, а И.А. Вышнеградский ничего на сей счёт не передавал, не выполнив соответствующее поручение Марии Фёдоровны. Разумеется, сановник считал предложение, якобы сделанное его падчерице, оскорбительным и даже утверждал, что в случае согласия «отрёкся бы от неё» (*Половцов А.А.* Дневник. 1893—1909 / Публ. О.Ю. Голечковой. СПб., 2014. С. 317).

ва, являвшегося тогда товарищем министра финансов. Однако в последний момент Сергей Юльевич поддержал кандидатуру главного инспектора железных дорог кн. М.И. Хилкова, поскольку к нему «крайне благосклонно» относилась Мария Фёдоровна. Ещё во время русско-турецкой войны 1877—1878 г. князь сформировал за свой счёт санитарный поезд, который взяла тогда под своё покровительство цесаревна. Позднее она часто встречалась с кн. Хилковым и не скрывала своего расположения¹².

Впрочем, кн. Хилков всё же устраивал Витте гораздо больше, нежели другой претендент — М.И. Кази, которому «протезировал» вел. кн. Александр Михайлович¹³. В других же случаях рассчитывать на сочувствие главы финансового ведомства Мария Фёдоровна могла далеко не всегда. В августе 1895 г. она просила Николая II простить долги (достигавшие 474 тыс. руб.) и выдать миллионную ссуду мужу кн. О.В. Лопухиной-Демидовой. Сетую на то, «в каком трудном положении сейчас находятся все землевладельцы и дворяне», она напоминала, что «нужно поддерживать дворянство и помогать им, пока не поздно», тогда как «министр финансов обогащает казну за счёт их всех. Вот почему княгиня Лопухина боится, что если ты спросишь Витте, можно ли это всё устроить, он откажет»¹⁴. О скептическом отношении Сергея Юльевича к дворянству современникам было хорошо известно, иногда ему приписывали даже ненависть к помещикам¹⁵. Но в данном случае и Николай II признал, что запросы княгини слишком велики и «*по совести* (здесь и далее курсивом выделены слова, подчёркнутые в тексте. — Д.Р.)... обе просьбы её удовлетворить невозможно». Царь полагал: «Самое большое облегчение, которое ей можно оказать (и то *очень* много!), — это простить долг; но после этого ещё подарить ей миллион — это сумасшествие, — и я, милая мама, именно зная, как незабвенный папа относился к такого рода просьбам, *никогда* на это *не* соглашусь... Хороши были бы порядки в Государственном казначействе, если бы я за спиной Витте (он теперь в отпуску) отдавал бы тому миллион, этой два и т.д.? Таким способом всё то, что было накоплено и что составляет одну из самых блестящих страниц истории царствования дорогого папа, а именно финансы, будут уничтожены в весьма немного лет». Мария Фёдоровна не возражала: «Я была уверена, что невозможно исполнить всё, о чём просят Лопухины. Я сама была ошеломлена, когда она назвала миллион, но можно было бы простить долг, который им ещё осталось заплатить, для них это было бы грандиозно»¹⁶. Больше с подобными просьбами она не обращалась¹⁷.

¹² Подробнее см.: *Андреев Д.А.* Первое министерское назначение Николая II: история принятия решения // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 2011. № 2. С. 5—10. Диктуя воспоминания, Витте, по сути, приписал инициативу назначения кн. Хилкова себе (хотя и не скрывал, что именно Мария Фёдоровна высказалась против Ивашенкова) (Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Кн. 1. С. 413—416). Между тем ещё в то время, когда Витте рассчитывал на успех своего товарища, кн. А.Б. Лобанов-Ростовский уверял Половцова, что «назначение Хилкова... можно считать делом окончательным». При этом он ссылался на записку, полученную тем от вдовствующей императрицы (*Половцов А.А.* Указ. соч. С. 124).

¹³ Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Кн. 1. С. 412—413. Подробнее об отношениях Витте с вел. кн. Александром Михайловичем см.: *Андреев Д.А.* Октябрь 1902 г., Крым: феноменология одного кризиса // Вопросы истории. 2020. № 9. С. 4—16.

¹⁴ Переписка императора Николая II с матерью — императрицей Марией Фёдоровной. 1894—1917 / Публ. Е.А. Чирковой. М., 2017. С. 36.

¹⁵ См., в частности: *Кольшико И.И.* Великий распад / Публ. И.В. Лукьянова. СПб., 2009. С. 128.

¹⁶ Переписка... С. 38—40.

¹⁷ *Боханов А.Н.* Николай II. М., 2002. С. 97.

Между тем Витте, узнав о решении монарха, по словам гр. В.Н. Ламздорфа, всё же попытался «уменьшить долг наполовину, но г-жа Лопухина стала испускать павлиньи крики, заявляя, что нельзя не исполнять императорского обещания; весь долг был списан»¹⁸. Правда, по сведениям А.С. Суворина, министр «стал торговаться с дамой и выторговал у ней 150 тысяч, т.е. дал всего 250 тысяч руб.», после чего «императрица не пускала к себе Витте целых полтора года, узнав об этом поступке»¹⁹. Возможно, вследствие этого Сергей Юльевич в дальнейшем стал более внимателен к её просьбам.

А вдовствующая императрица не раз проявляла живой интерес к нуждам предпринимателей, и прежде всего выходцев из Дании. Как утверждает Ю.В. Кудрина, в России она «постоянно оказывала помощь различного рода датским фирмам, торговцам, коммерсантам, инженерам и агрономам»²⁰. Министр финансов оказывался при этом незаменимым посредником. Так, 12 марта 1899 г. Николай II по докладу Витте удовлетворил ходатайство датского подданного Н.П. Бернгольда об учреждении в России пароходного общества, в котором «капитанами на пароходах в течение первых трёх лет деятельности компании могли служить датские подданные»²¹.

На рубеже веков, в условиях мирового экономического кризиса, Мария Фёдоровна решила поддержать датских предпринимателей, образовавших в 1881 г. в Санкт-Петербурге для управления писчебумажной фабрикой акционерное общество «Паллизен Г.И.». Один из его руководителей П. Берг, ещё в 1850-е гг. переехавший в Россию, а с 1893 г. являвшийся датским королевским консулом, отправил вдовствующей императрице письмо с просьбой о финансовой помощи²². В марте 1900 г. министр финансов подробно изложил ей обстоятельства дела: «Ваше величество знает, что в ноябре 1899 года на основании разрешения императора Государственный банк предоставил дому Паллизенов аванс 2 миллиона рублей помимо кредита около 600 тыс. рублей. Обязательства дома составляют 4,5 миллиона рублей, я должен был высказать мнение, предлагая на рассмотрение Вашему величеству, что денежные трудности, испытанные домом, не могут быть преодолены, несмотря на поддержку, предоставленную при условии, что он продолжит пользоваться старым кредитом от третьих лиц на сумму примерно 2 миллиона. К несчастью, это опасение оправдалось: кредиторы, которым возместили долг, не хотят до сегодняшнего момента возобновлять свои расчёты (с Паллизенами. — *Д.Р.*), из этого следует, что дому после израсходования двухмиллионного кредита не хватает для выполнения своих обязательств капитала в 1 миллион; если последние крупные кредиторы также откажут ему в кредите 1 миллион рублей, дому срочно понадобится сумма около 2 миллионов»²³.

Как полагал министр финансов, «в этих условиях у Государственного банка есть выбор: либо отказать в дополнительном кредите размером 2 600 000 рублей, что немедленно приведёт к банкротству дома и значительным потерям для всех кредиторов, либо увеличить кредит до 4,5 миллионов, таким образом становясь единственным кредитором, что, вероятно, увеличит потери и заста-

¹⁸ Ламздорф В.Н. Дневник. 1894—1896 / Публ. И.А. Дьяконовой. М., 1991. С. 315.

¹⁹ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. Л.; М., 1999. С. 371.

²⁰ Кудрина Ю.В. Мария Фёдоровна. М., 2009. С. 66.

²¹ ГА РФ, ф. 642, оп. 1, д. 528, л. 1.

²² Там же, д. 925; Кудрина Ю.В. Мария Фёдоровна. С. 66.

²³ ГА РФ, ф. 642, оп. 1, д. 1169, л. 2—3.

вит его (банк. — *Д.Р.*) взять на себя управление промышленными предприятиями дома и особенно тремя бумажными фабриками — задача, для которой финансовая администрация вряд ли подходит». Сам Сергей Юльевич занимал при этом предельно осторожную позицию. «Я считаю своим долгом, — отмечал он, — донести то, что предшествовало, до сведения Вашего величества, прежде чем император даст средства»²⁴. На деле же он скорее стремился подготовить Марию Фёдоровну к неизбежному и снять с себя ответственность за ожидаемый отказ Николая II, который на сей раз денег не дал. В результате, к 26 марта 1900 г. «в Петербурге огласилось прекращение платежей крупную промышленную фирмой Паллизена, участвовавшей в предприятиях пароходных, писчебумажных, издательских, а также в портовой торговле»²⁵. В мае из-за банкротства «главного пайщика, бумажного фабриканта Паллизена», последовала ликвидация акционерного общества «Издатель»²⁶.

Тем не менее ещё в конце зимы 1900 г. в столичном обществе толковали о том, что «датчанину дали 2 миллиона». Как писал в дневнике 22 февраля Суворин, «действительно, дали, благодаря всё матушке-императрице. Какой-то датчанин явился в Петербург, начал предприятие с грошовыми средствами и разорился. Уехал на родину, дождался императрицы, припал к её стопам, и она собственноручным письмом просила своего сына Николая II дать эти 2 миллиона. Он надписал: “дать”, и дали»²⁷.

Тем временем Мария Фёдоровна вновь обратилась к императору: «Я тебе посылаю эту бумагу бедного *Таль*, который меня просил поддержать перед тобой его прошение, когда Витте тебе доложит об его просьбе. Кажется, Витте ему сказал, что можно это устроить»²⁸. Речь, по-видимому, шла о содействии Х.Я. фон Талю (сын которого служил на рубеже веков вторым советником в посольстве в Копенгагене) в размещении на бирже ценных бумаг Уральского акционерного общества «Ермак». Ходатайство матери, усиленное ссылкой на авторитет министра финансов, не могло не расположить царя в пользу просителя. Но уже через год желание Витте угодить вдовствующей императрице и её окружению обернулось неприятностями. 21 апреля 1901 г. Половцов оставил в дневнике пространную запись о том, как «некий Таль, племянник камер-фрау императрицы [М.П.] Флотовой и потому высочайше покровительствуемый, получил весьма обширные права на устройство железной дороги, заведение лесного хозяйства, доменных печей около Верхотурья, пароходства и т.д. Он должен был составить компанию и для этого собрать капитал в 18 миллионов рублей. Таль явился к Витте и предъявил квитанцию одного лондонского банкирского дома о внесении этому дому 18 миллионов рублей. По закону следовало потребовать внесения этой суммы в петербургский Государственный банк, но ввиду флотовского покровительства Витте удовольствовался представленной ему распиской и выдал свидетельство о том, что талевское общество состоялось. Таль поехал в Париж, получил от русского консульства удостоверение о том, что общество законно состоялось, и выпу-

²⁴ Там же.

²⁵ Новое дело. 1900. 26 марта. № 13. С. 448.

²⁶ Там же. 14 мая. № 20. С. 672.

²⁷ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 371. Любопытно, что в переписке Николая II и Марии Фёдоровны, находившейся с августа по ноябрь 1899 г. в Дании, такого письма нет (Переписка... С. 304—327).

²⁸ Переписка... С. 284.

стил акции, не имевшие никакой ценности и достигшие биржевыми манёврами более половины своей номинальной стоимости. Конечно, в один прекрасный день всё это рухнуло, и теперь обманутые Талем люди собираются предъявить к министру финансов процесс о неправильном утверждении вовсе несуществующего общества. Спрошенный о восемнадцати миллионах лондонский банкир отвечал, что деньги эти пролежали у него всего один день и вслед за тем были обратно взяты Талем!»²⁹.

Но если к просьбам в денежных делах министр финансов не мог не относиться настороженно, то к мнениям вдовствующей императрицы о событиях общественной и политической жизни Витте прислушивался особенно чутко. 8 февраля 1899 г. разразились студенческие беспорядки, которые конной полицией пришлось усмирять нагайками, что, в свою очередь, вызвало возмущение в обществе. Сочувствовала студентам и Мария Фёдоровна, уже 8 февраля сообщившая сыну вел. кн. Георгию Александровичу о том, что «ненужное рвение со стороны полиции наделало много вреда»: учащиеся в день годовичного акта «договорились вести себя спокойно и не устраивать ни скандалов, ни шума», однако их «вывело из себя» вывешенное в университете предостережение ректора «не устраивать беспорядков» с указанием размера штрафов за нарушение дисциплины. Тем не менее они «всего лишь были недовольны ректором» и «с воодушевлением» исполнили государственный гимн. Витте изначально выражался о студентах как о «бунтовщиках», с которыми необходимо «покончить». Однако, узнав о позиции Марии Фёдоровны, резко изменил тон³⁰.

На совещании, состоявшемся в МВД 17 февраля, министр финансов представил составленную им записку о студенческих волнениях, которую также подписали министр юстиции Н.В. Муравьёв, министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов, кн. Хилков и главноуправляющий канцелярией по учреждениям императрицы Марии гр. Н.А. Протасов-Бахметев. В ней утверждалось, что случившееся в столице не имело «политической окраски», а способы обращения с молодёжью оказались «не вполне тактичны». Поэтому рекомендовалось провести расследование, доверив его лицу, «стоящему вне отдельных ведомств», но «на высших ступенях общественной и административной иерархии». И хотя глава МВД И.Л. Горемыкин и министр народного просвещения Н.П. Боголепов доказывали, что волнениям придаётся избыточное значение³¹, Николай II всё же поручил изучить случившееся бывшему военному министру П.С. Ванновскому.

Между тем брожение среди учащихся не прекращалось. 20 марта император сообщал матери: «В университете опять начались беспорядки, в Москве и Киеве также; но я надеюсь, что принятыми на этот раз строгими мерами, удастся, наконец, водворить спокойствие на этот год! Несносно!». Отвечая ему 1 апреля, Мария Фёдоровна расставляла акценты совершенно иначе: «То, что студенты возобновили свои глупости, очень меня огорчает, особенно то, что теперь Горем[ыкин] захочет притвориться, что был прав, говоря об этом как о политическом деле, а ведь оно совсем не было таким!»³². Однако в марте

²⁹ *Половцов А.А.* Указ. соч. С. 294—295.

³⁰ Подробнее см.: *Андреев Д.А.* Студенческие беспорядки и борьба в правительственных верхах зимой—весной 1899 года // *Российская история.* 2012. № 1. С. 60—62.

³¹ Там же. С. 62—63. Копия этой записки хранится в фонде Марии Фёдоровны: ГА РФ, ф. 642, оп. 1, д. 515.

³² Переписка... С. 241, 245.

Николай II всё более отчётливо склонялся на сторону Боголепова и Горемыкина, с иронией отзываясь о суждениях министра финансов³³. 2 апреля в «Правительственном вестнике» студенческое движение официально было признано политическим³⁴.

Вдовствующей императрице оставалось лишь сетовать в письме к вел. кн. Георгию Александровичу на царя, который «слышит лишь то, что исходит из уст» министра внутренних дел, «искусственно» политизировавшего беспорядки с помощью «глупейших мер». Огорчало её и невнимание Николая II к результатам расследования Ванновского³⁵. В мае 1899 г. оно, по сути, завершилось публикацией в «Правительственном вестнике», где сухо говорилось про «неумелые» распоряжения полиции и использование нагаек «без особой необходимости»³⁶. Казалось, Горемыкин одержал победу, но этим лишь настроил против себя Марию Фёдоровну. А тем временем в ходе полемики о перспективах земских учреждений Витте сумел дискредитировать своего оппонента в глазах императора и К.П. Победоносцева, рекомендовавшего в 1895 г. назначить Горемыкина на министерский пост. В результате, 20 октября 1899 г. МВД возглавил Д.С. Сипягин, с которым министр финансов наладил тесное сотрудничество³⁷.

Когда же в апреле 1902 г. после гибели Сипягина министром внутренних дел стал В.К. Плеве, влияние Витте заметно пошатнулось. 15 августа 1903 г. ему пришлось покинуть финансовое ведомство и занять более высокую, но менее значимую должность председателя Комитета министров. Узнав на аудиенции у Николая II о новом назначении, Витте отправился к Марии Фёдоровне, которая пригласила его на завтрак и «была... в высокой степени милостива и любезна». В этот раз вдовствующая императрица «о делах не говорила, но только сказала, что она чувствует, что Плеве доведёт государя до беды, прибавив: “Недаром мой покойный муж ни за что не хотел назначить Плеве на самостоятельный пост”»³⁸. Сергей Юльевич пытался использовать подобное настроение матери императора. Известному своими консервативными убеждениями гр. Шереметеву³⁹ осенью 1903 г. он внушал, что считает самодержавие «единственной для нас формой правления», однако сомневается «в твёрдости Плеве по этому вопросу». Это явно говорилось для передачи вдовствующей императрице. Впрочем, и

³³ *Андреев Д.А.* Студенческие беспорядки и борьба... С. 64—65. По-видимому, императору оказались близки рассуждения вел. кн. Елизаветы Фёдоровны, писавшей ему 20 марта о том, что авторитет Боголепова и Горемыкина «явно рухнул» из-за отступления от правила, согласно которому «и студентов, и полицейских должны судить собственные их руководители». Поручив расследование «своему судье», царь, по мнению великой княгини, придал работе Ванновского «колоссальную значимость», чем воспользовался Витте, который «вмешивается не в своё дело, чтобы завоевать популярность», но «не думает ни об императоре, ни о стране» (Великая княгиня Елисавета Фёдоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884—1909) / Сост. А.Б. Ефимов, Е.Ю. Ковальская. СПб., 2009. С. 456—457).

³⁴ Правительственное сообщение // Правительственный вестник. 1899. 2 апреля.

³⁵ *Андреев Д.А.* Студенческие беспорядки и борьба... С. 66—67.

³⁶ Правительственное сообщение // Правительственный вестник. 1899. 25 мая.

³⁷ *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте... С. 110; *Андреев Д.А.* Дмитрий Сергеевич Сипягин // Вопросы истории. 2020. № 1. С. 47—48, 61.

³⁸ Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Кн. 2. СПб., 2003. С. 615; Т. 2. С. 30.

³⁹ О нём подробнее см.: *Белюсова О.В.* Граф С.Д. Шереметев в общественной и политической жизни России второй половины XIX — начала XX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

сам граф не доверял Плеве, «испытав на себе его фальшь и его приёмы»⁴⁰. Всё это, разумеется, только усиливало мрачные предчувствия Марии Фёдоровны, и 2 декабря она сказала гр. Шереметеву, что разочарована в Плеве⁴¹.

Витте же, похоже, не терял надежду вернуться на прежнее место при содействии вдовствующей императрицы. 2 февраля 1904 г., зная, что его преемник Э.Д. Плеске безнадежно болен, Сергей Юльевич заявил гр. Шереметеву «о желании работать и быть полезным», а также о целесообразности «поручения ему “временного” управления финансами во время войны». По свидетельству графа, собеседник, «видимо, желал, чтобы его слова были бы переданы»⁴². Под впечатлением от разговора гр. Шереметев испросил аудиенцию у Марии Фёдоровны, на которой горячо доказывал, что «вопрос о министре финансов очень серьёзный и спешный, не терпящий отлагательств», а временное возвращение Сергея Юльевича необходимо. Вдовствующая императрица не возражала, напротив, «она хвалила Витте, его талант и способность ясно излагать, что даже ей понятно бывает, когда он ей объясняет что-либо трудное». Между 2 и 5 февраля Николай II дважды виделся с матерью, однако, даже если они обсуждали перестановки в правительстве, ей ничего не удалось сделать, и 5 февраля гр. Шереметев, обедая у Витте, «узнал о назначении Коковцова министром финансов». Слабым утешением служило то, что тогда же «императрица вызывала Витте на завтрашнее утро в 11 часов»⁴³.

15 июля 1904 г. Плеве был убит террористом. 24 июля, беседуя с гр. Шереметевым, Мария Фёдоровна отметила, что «по способности и энергии» Витте и во главе МВД «мог бы быть пригоден, несмотря на некоторые трудности и неудобства». Но граф тут же напомнил про его «страстность и необузданность». Скорее всего, данная кандидатура всерьёз ими не рассматривалась. Категорически возражая против назначения Б.В. Штюрмера, Мария Фёдоровна 5 августа рекомендовала сыну присмотреться к виленскому генерал-губернатору кн. П.Д. Святополк-Мирскому, занимавшему пост товарища при Сипягине. Однако Николай II долго откладывал решение, опасаясь интриг и влияния Витте, которому пришлось 15 августа демонстративно уехать из Петербурга в Сочи⁴⁴.

Заняв министерский пост, кн. Святополк-Мирский сразу же заговорил о доверии к обществу и либерализации внутривластной жизни. 24 ноября он представил Николаю II доклад, в котором намечалась программа реформ и, в частности, предусматривалось введение в Государственный совет выборных от губернских земских собраний и некоторых городских дум⁴⁵. При этом князь изначально настаивал на привлечении Витте к обсуждению намеченных в МВД

⁴⁰ Шохин Л.И. Дневниковые записи С.Д. Шереметева о С.Ю. Витте // Отечественная история. 1998. № 2. С. 153.

⁴¹ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5048, л. 123. Подробнее см.: Андреев Д.А. Правительственная «перемена» 15 августа 1903 года в зеркале руморологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 2. С. 213.

⁴² Шохин Л.И. Дневниковые записи... С. 154.

⁴³ Там же. С. 154—155; Дневники императора Николая II. 1894—1918 / Под ред. С.В. Мироненко. Т. I. М., 2011. С. 788.

⁴⁴ Подробнее см.: Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте... С. 137—138; Андреев Д.А. После В.К. Плеве: император Николай II в поисках министра внутренних дел летом 1904 г. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2011. № 4. С. 76, 86—87.

⁴⁵ Подробнее см.: Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 27—33.

мер. 3 декабря 1904 г. гр. Шереметев констатировал в дневнике, что «чувствуется приближение Витте к МВД»⁴⁶. Действительно, тому удалось взять в свои руки подготовку указа 12 декабря о предстоявших преобразованиях и добиться передачи их последующей разработке в Комитет министров⁴⁷. В конце года его называли в Петербурге не иначе как «Serge Premier»⁴⁸. Между тем обстановка в стране накалялась. Уступки, провозглашённые в указе 12 декабря, лишь раззадоривали оппозицию. 19 декабря пал Порт-Артур. Начиналась революция.

Летом 1905 г. Витте отправился в качестве главного уполномоченного на конференцию в Портсмут, где подписал вполне приемлемый для страны мирный договор с Японией, согласно которому Россия уступала южную часть Сахалина и аренду Ляодунского полуострова. Высоко оценивая роль Витте в завершении войны, гр. Шереметев писал Марии Фёдоровне из Москвы: «Только что случившееся великое историческое событие — мир с такой знаменательной дипломатической победой, несмотря на неизбежные потери, является событием такой огромной важности, что я не могу хранить молчание, не выразив Вашему величеству всё то удовлетворение, которое должен чувствовать в момент испытаний каждый, кто желает блага своей стране»⁴⁹.

15 сентября Сергей Юльевич вернулся в Петербург, где готовились к выборам в законосовещательную («булыгинскую») Думу, к переустройству Государственного совета и к превращению Совета министров в орган, объединяющий и координирующий деятельность всех ведомств. На частных совещаниях высших сановников Витте, получивший 18 сентября графский титул, активно высказывался за «сильное правительство, чтобы бороться с анархией», и «полный конституционный порядок»⁵⁰. Однако политическая ситуация ухудшалась. В обществе развернулась петиционная кампания, широко освещавшаяся в печати. Лозунг бойкота совещательной Думы приобрёл популярность у интеллигенции. Оппозиция требовала созыва Учредительного собрания для принятия конституции. Добиться этого предполагалось с помощью всеобщей политической забастовки, начавшейся 7 октября.

16 октября Мария Фёдоровна писала Николаю II из Дании: «Я страшно мучаюсь и беспокоюсь сидеть здесь, читать газеты и ничего не знать, что делается... Сейчас, наверно, единственный человек, который может тебе помочь и принести пользу, это Витте, у которого теперь для этого хорошее место, это гениальный, энергичный человек с ясной головой»⁵¹. В правящих кругах отношение к графу было более сложным. Одни опасались его всеисилия и предсказывали, как гр. А.П. Игнатьев и А.С. Стишинский, что «первый министр будет у нас верховным визирем». Другие, как гр. Д.М. Сольский, считали, что только он сможет предотвратить гибель империи⁵².

Так или иначе, 17 октября Николай II подписал составленный гр. Витте проект манифеста, обещавшего расширение прав подданных и даровавшего

⁴⁶ Шохин Л.И. Дневниковые записи... С. 157.

⁴⁷ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие... С. 33—50.

⁴⁸ Дневник А.А. Бобринского (1910—1911) / Публ. М. Мурзановой // Красный архив. 1928. № 1. С. 130.

⁴⁹ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5050, л. 90 об.

⁵⁰ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте... С. 205—210.

⁵¹ Переписка... С. 547.

⁵² Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте... С. 216, 223; Степанов В.Л. Граф Д.М. Сольский: путь либерального бюрократа // Российская история. 2018. № 1. С. 139—142.

Государственной думе законодательные полномочия. А 19 октября последовал указ о назначении графа председателем преобразованного Совета министров. Сергей Юльевич был уверен, что в новых условиях общественные деятели охотно пойдут на сотрудничество с правительством. Когда же эти надежды не оправдались, ещё недавно диктовавший свою волю царю сановник растерялся. «Вообще он не ожидал, что ему будет трудно на этом месте, — писал император матери 27 октября. — Странно, что такой умный человек ошибся в своих расчётах на скорое успокоение». Тем не менее Мария Фёдоровна по-прежнему не видела ему замены. «Витте, — полагала она, — также достоин жалости, столкнувшись с такими ужасными трудностями, особенно неожиданными для него; тебе нужно теперь показать ему своё доверие и заставить действовать согласно его программе». Но этого оказалось недостаточно. «Ты мне пишешь, милая мама, — отвечал Николай II 10 ноября, — чтобы я оказывал доверие Витте. Могу тебя уверить, что с моей стороны делается всё возможное, чтобы облегчить его трудное положение. И это он чувствует. Но не могу скрыть от тебя некоторого разочарования в Витте. Все думали, что он страшно энергичный и деспотичный человек и что он примется сразу за водворение порядка прежде всего... А вышло как будто наоборот — повсюду пошли манифестации, затем еврейские погромы и, наконец, уничтожение имений помещиков!.. С Витте я постоянно говорю об этом, но я вижу, что он не уверен ещё в себе»⁵³. В январе 1906 г. монарх с изумлением и плохо скрываемым отвращением обнаружил, что «Витте после московских событий резко изменился: теперь он хочет всех вешать и расстреливать. Я никогда не видел такого хамелеона или человека, меняющего свои убеждения, как он. Благодаря этому свойству характера почти *никто* больше ему не верит; он окончательно потопил самого себя в глазах всех, может быть, исключая заграничных жидов»⁵⁴.

Такие письма всё чаще вызывали у Марии Фёдоровны досаду и недовольство своим прежним союзником. «Если бы раньше были энергичнее и показали бы больше твёрдости и власти, многого можно было бы избежать, — утверждала она 16 января 1906 г., — и не понимаю Витте, почему он потерял так много времени». Теперь ей оставалось лишь желать, «чтобы это затишье продолжалось по крайней мере до окончания выборов и до начала Думы»⁵⁵. Между тем за неделю до того, как депутаты собрались в Таврическом дворце, 20 апреля 1906 г. гр. Витте был уволен с поста председателя Совета министров. А в начале мая вдовствующая императрица уже не скрывала от гр. Шереметева своего недовольства неискренностью Сергея Юльевича. Тот будто бы «солгал по поводу 17 октября и его роли в этом деле, сваливает на Ник[олая] Ник[олаевича], которого он же оседлал, подослав к нему рабочего-революционера, которого провели к государю(!), что факт глубоко возмутительный»⁵⁶. При личной встрече она упрекала гр. Витте в том, что в октябре 1905 г. он «будто бы вырвал у государя манифест, как это ей говорил сам государь император»⁵⁷.

⁵³ Переписка... С. 552—558.

⁵⁴ Там же. С. 583.

⁵⁵ Там же. С. 584.

⁵⁶ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5050, л. 55 об. По-видимому, подразумевался отказ вел. кн. Николая Николаевича от диктаторских полномочий перед изданием Манифеста 17 октября. На позицию великого князя тогда повлиял рабочий-зубатовец М.А. Ушаков (*Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте... С. 223).

⁵⁷ Из архива С.Ю. Витте... Т. 2. С. 507.

Таким образом, на протяжении первой половины царствования Николая II вдовствующая императрица Мария Фёдоровна и С.Ю. Витте, как правило, оказывались ситуативными политическими союзниками. Сергей Юльевич сильно преувеличивал влияние матери на царя, но иногда небезуспешно использовал его в своих интересах, и прежде всего для ослабления своих противников. Мария Фёдоровна, похоже, также обманывалась относительно решительности и ловкости Витте, не говоря уже о его преданности самодержавию. Она видела в нём наиболее сильную фигуру из прежних сотрудников Александра III, а в начале революции он казался ей чуть ли не единственным спасителем империи. Впрочем, ни полного доверия, ни особой привязанности между ними никогда не было, да и помочь друг другу они могли далеко не всегда. Ни поодиночке, ни сообща они не контролировали решения императора в той мере, в которой желали. Взаимное разочарование, наступившее в 1906 г., заставило обоих искать другие точки опоры в правящих кругах. Мария Фёдоровна стала присматриваться к П.А. Столыпину, гр. Витте несколько позднее проявлял интерес к Г.Е. Распутину.